

М. Швейцер.

Экзаменъ.

Драматическое стихотворение.

Лирическія стихотворенія.

Вологда.
Типографія А. А. Галкина.
1912.

Дѣйствіе происходитъ

въ Парижѣ въ Сорбоннѣ

(въ XVI вѣкѣ).

О тъ автора.

Стихотвореніе «Экзаменъ» за исключениемъ первыхъ двухсотъ стиховъ написано нѣсколько лѣтъ назадъ; непредвиденные обстоятельства вынуждали автора нѣсколько разъ отлагать печатаніе. Съ того времени **Сцена въ Сорбоннѣ** подверглась незначительнымъ измѣненіямъ и былъ вновь написанъ **Прологъ**.

Дата времени дѣйствія (XVI вѣкъ) поставлена лишь приблизительно; равнымъ образомъ неизвѣстный мудрецъ, о которомъ говоритъ Джакомо въ концѣ монолога, имѣеть почти одинъ только вицѣнія черты сходства съ великимъ голландскимъ философомъ. Таковы были по крайней мѣрѣ намѣренія автора.

ПРОЛОГЪ.

Внутренний дворъ Сорбонны. Утро. Ещё тени капитановой аллеи медленно проходятъ Джакомо и Библіотекарь.

Библіотекарь (продолжая начатый разговоръ)

Внѣ всякихъ сомнѣній!... Скажу откровенно: я съ наслажденiemъ прислушивался вчера къ Вашему состязанію съ капитаномъ. А вѣдь его побаиваются даже въ профессорской коллегії! Ученость Ваша удивительна и думается, что втихомолку всѣ слушатели признали ваше превосходство. Многие не скрывали удовольствія; что и понятно. Высокомѣріе каноника становится подождительно нестерпимымъ.

Джакомо.

Ножалуй. Но, этого мало для успѣха въ предстоящемъ коллоквіумѣ. Монахамъ стало забавно только, что хитрый экзегетъ запутался въ противорѣчіяхъ и очень желалъ избавиться отъ ихъ досадного присутствія. Сами они достаточно невѣжественны и врядъ ли ихъ интересовала сущность нашего спора.

Библіотекарь (останавливаясь)

Да. Важно — какъ отнесется къ Вашимъ взглядамъ Епископъ. Онъ самъ — докторъ Сорбонны и его вліяніе въ коллегії сильно. Онъ, зачастую, решаетъ, вѣрнѣе, предрѣшаетъ, академическая дѣла единолично. При томъ не скрою: онъ вообще не любить итальянцевъ за ихъ склонность къ астрологіи и медицине.

(помолчавъ)

Наконецъ, Вы понимаете сами... исключительность своего положенія. Вамъ извѣстно, что студенты проводятъ въ стѣнахъ Сорбонны не менѣе десяти лѣтъ, и все это время ихъ настойчиво...

Джакомо (съ легкой усмѣшкой)

Вы полагаете: въ такой срокъ безъ труда можно убѣдить
въ противномъ... любого изъ имскихъ первосвященниковъ?

Бібліотекарь.

Намъкъ Вашъ прозраченъ. Но, не смѣйтесь! Роптесь спорный: удастся, либо нѣтъ, въ концѣ концовъ нашимъ богословамъ отстоять независимость своихъ постановлений отъ римской курии? Помните, какъ сильна была рука Филиппа VI, когда папа Іоаннъ вздумалъ рѣшительно третировать Сорбонну?

Жакомо.

Всего нечальниче, когда беріба докматоръ рѣшається солдатами.

Бібліотекарь.

Согласитесь: массы слишкомъ темны. Не каждому дано понимать доказательства истинности того или другого вѣроученія. Съ другой стороны, преступно допускать вѣрюющихъ коснѣть въ элементарныхъ заблужденіяхъ... Вы не станете отрицать, что нерѣдко мечъ былъ истиннымъ иссителемъ культуры.

Иакомо.

Достаточно вспомнить гунновъ. Однако, если бы не ваши монастыри, было-бы плохо. Греческая діалектика и этруссія вазы требуютъ болѣе нѣжнаго сбраженія, чѣмъ то, на котрое были способны сѣверные пришельцы. Полуневѣжественные монахи, оскопивъ, сохранили все—таки Аристотеля. Вернемся, однако, къ современности. Вы правы. Десять лѣтъ узкой богословской ферулы могутъ убить всякую самостоятельность.

Библіотекарь.

А экзамены Сорбонны— это настоящий вънецъ гсего холистического зданія. По старымъ правиламъ экзаменъ тянулся отъ восхода до захода солнца. Независимо отъ знаній диспутантъ долженъ быть обнаружить явное превосходство духа надъ матеріей. Онъ не могъ ни вкушать, ни пить во все время

испытания и долженъ былъ отразить нападенія не менѣе двухъ дюжинъ противниковъ, которые черезъ каждые полчаса уступали одинъ другому свое мѣсто и на разные лады сбивали влюблёнаго ученаго. Нынче, впрочемъ, старый обычай немногого смягчился и вся процедура сопранія докторской шапочки стала проще.

(несколько тише)

Вы замѣтили вчера маленькаго сухощаваго патера съ лицомъ спѣлаго оливка? Это—соборный ключарь, отецъ Бернардъ. Любимецъ Епископа, которому и переносить про нашъ монаховъ досконально все, хотя, сказать справедливо: ничего и не добавляя и не убавляя.

Джакомо (улыбаясь)

Довольно и послѣдняго.

Библиотекарь.

И вотъ, когда ключарь вышелъ, толстый Доминикъ, защуривъ по обыкновенію правый глазъ проговорился, что Тора мѣстами поустарѣлъ и что нынче каждая опрятная женщина знать безъ Монсей, какъ ей обращаться съ собою временами..

Джакомо (разсѣянно слушая его болтовню)

Во чтобы-то ни сталъ надѣяться степени. Знаніе Сорбонны огромно. Такъ ишь иначе—она встрѣтится на моемъ пути. Пусть Епископъ, какъ мѣняла свои центезимо, провѣряетъ контексты Вульгаты: я тщательно изучать Писаніе. Но, если возникнетъ научное разногласіе, я докажу...

Библиотекарь (асербиваетъ)

Ваша бѣда Епископъ терпѣть не можетъ никакихъ доказательствъ, кроме тѣхъ, которыя приходятъ ему самому въ голову. Онъ умалчиваетъ о многихъ мѣстахъ блаженнаго Августича и глядитъ искоса на Оригеновы «Некапла».

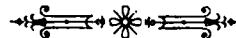
Джакомо.

Безъ спора трудно утвердить любую доктрину. Какъ ни смышлено, заблужденія даже необходимы. Тѣмъ явственнѣй выдѣляется малодоступная до времени истина.

Библіотекарь (жметъ руку Джакомо)

Желаю сираведиваго успѣха. Одна ваша горячая преданность наукѣ заслуживаетъ всякаго уваженія. И снисходженія, если-бы Вы разошлись въ маловажномъ съ ученышней коллегіей.

(уходятъ)

СОРБОННА.

Длинная сумрачная зала. Своды. Въ глубинѣ сцены кресла.
Входят Епископъ, аббаты, врачи, ученики и Джакомо.

Епископъ.

Благослови, Господь, пришедшихъ
Надежды наши оправдать,
Въ священно-мудрости обрѣтшихъ
Достойный трудъ и благодать.
Передъ началомъ испытанья
Хвалу Благому воздадимъ.

(молится)

Толстый аббатъ (тонкому)

Шепните мнѣ, отецъ Асканъ,
Что нынче мы у васъ ёдимъ?

Епископъ (къ ученикамъ)

Пусть наши дни въ юдоли кратки:
Но манять благости сыновъ...

Тонкий аббатъ (толстому)

Супъ съ артишоками, стерлядки
И пара жирныхъ капуновъ.

Епископъ.

Насъ манять кладези науки,
И мы хранимъ ее, жрецы,—
Какъ въ наши цередали руки
Самъ Аристотель и отцы.

Намъ бури жизни не опасны.
Мы въ тишинѣ монастырей
Къ тревогамъ черни безучастны
И глухи въ шепоту страстей.

Тонкій аббатъ (толстому)

Простите мнѣ вопросъ невинный:
Не первый день знакомы мы.
Вы не бывали у Ветхины...
Напротивъ лѣвыхъ вратъ юомы?

Толстый аббатъ (съ комическимъ ужасомъ)

Святой отецъ, не говорите:
Боюсь, какъ муха паука!
(шепчетъ на ухо)

Сегодня впрочемъ не стучите:
Къ ней собрался отецъ Лука.

Епископъ (бросивъ взглѣдъ на говорящихъ и нечного
возвысивъ голосъ)

Мы къ плоти немощной суровы:
Примѣръ каноника Петра.
Гдѣ нынче выше богословы
Въ искусѣ слова и пера?
Опь скоротечныхъ благъ не чаеть,
И не печется о земномъ
И плоть жестоко истощаетъ...

Толстый аббатъ (въ сторону)

Какъ слышно, юности грѣхомъ...

Епископъ (ученикамъ)

Къ отвѣту болдо приступите,
И, завершаю подвигъ свой,
На судъ взыскательный несите
Плоды учености святой.

Отецъ Бернардъ (тихо епископу)

Экзаменъ держать—двоє эти:
Они, конечно, Церкви дѣти.
Но, тотъ съ нахмуреннымъ челомъ...
Я кой—что вывѣдалъ о немъ.

Епископъ

Еретиковъ философема
Въ Сорбоннѣ гостьей не живеть.

Отецъ Бернардъ (архивически)

И подъ рукою Полифема
Второй Улиссъ не проползетъ?

Епископъ и доктора всходятъ на возвышеніе и размѣщаются въ креслахъ. Начинается экзаменъ. Словъ Епископа и учениковъ неслышно. Аббаты на авансценѣ продолжаютъ переговариваться.

Третій аббатъ (указавъ на Джакомо)

Не онъ ли самый-годъ назадъ
Слонялся по святымъ аббатствамъ,
Льнянымъ подрясникамъ былъ радъ
И называлъ семь су богатствомъ?
На портике храма спать ходилъ,
Послушень рабски былъ Ферулъ,
Да убѣжалъ и поступилъ...
На содержанье къ простибулъ?

Тонкій аббатъ.

О нѣтъ! ошиблись Вы лицомъ.

Толстый аббатъ (съ живостьюю)

Тотъ намъ доподлинно знакомъ.
Ужъ онъ въ вертепахъ не очутился:
По замкамъ нынѣ онъ кочуетъ.
«Въ смиренныи плоти бреиной ръянъ»—

Начертано въ его девизѣ.
Онъ ъездилъ часто къ de Morian,
Богатой и слѣпой маркизѣ.
Съ прислужницей своей она
На плитахъ каменныхъ, босая,
Sub dorsum, кротости поляя,
Считала розги чуть живая.
А послѣ стало не скрять,
Что принесло святое дѣло:
Тоща маркиза, какъ скелеть,
А та напротивъ... располнѣла.

(смѣются)

Третій аббать отходитъ въ глубину сцены, гдѣ происходитъ экзаменъ.
Смытень голосъ Епископа. Джакомо говоритьъ жестикуляруя. Между слушателями движеніе и легкій ропотъ.

Толстый аббать.

Слыхали, что старикъ Донатъ
Сложилъ въ стихахъ для Серполетты?..
Пожалуй господа поэты...

(вынимаетъ доскуточкъ бумаги)

Тонкій аббать.

О нѣтъ! Забавно! Очень радъ!
Искусно сталъ писать настъ братъ
Медоточивые сонеты.

Толстый аббать

«У райскихъ вратъ прелать стоялъ
И съ истерпѣемъ стучалъ.
— Христовой вѣры первый камень,
Отверзи двери! — онъ вопилъ—
Да не вотще же я хранилъ
Въ своей душѣ священный пламень
И сѣмя истины ростилъ;
Училъ другихъ нести невзгоды,
Любилъ послушливыхъ дѣтей.
Лишалъ ослушниковъ свободы

И не жалѣть для нихъ плесть!
И вновь стучалъ и похвалился.
Но, стражъ на это отозвался:
Ужъ не гнѣвилъ—бы небеса
Ты... лупанаріевъ краса!
Спасеньемъ знатъ былъ примѣрно.
А что жъ ты такъ учитанъ, братъ?
Пиль влагу свѣтлую Фалерна
И ёлъ откормленныхъ цыплять?
Монахъ въ сердцахъ: кого морочишь?
Довольно съ каждого грѣховъ.
Ты мнѣ цыпленъ простить не хочешь:

(шептомъ)

Инымъ прощали... пѣтуховъ!»

Тонкій аббатъ.

Стихи достойны одобренья:
Ихъ слушать можно безъ труда.
(вздохнуть)
Не умаляютъ вдохновенья
Ни санъ высокій, ни года!

Толстый аббатъ (указавъ на третьяго аббата)

Задумчивъ добрый Киріакъ
И молчаливъ.

Тонкій аббатъ.

Не новость это.
На дняхъ близъ цирка Варіетта
Оскорблена толпой гулякъ
Его племянница Лизетта.
Нэ утро дѣвочку нашли...

Толстый аббатъ.

Серьезный поводъ для печали!
Уступчивъ я: пусть нападали,
Пусть въ закоулокъ увлекли...
(съ грубымъ смѣхомъ)

Но, цвѣтъ невинности едва---ли
Сорвать безъ чуда тамъ могли!

Епископъ и за нимъ вся коллегія встаетъ съ креселъ и подвигается
къ авансценѣ.

Епископъ (къ Джакомо, отчетливо раздѣляя слова)

Прими мое благословеніе!
Ты—просвѣщенія прочный другъ:
Проникъ глубоко въ смыслъ наукъ,
Постигнулъ точное значеніе
Законовъ стройныхъ естества—
Предначертаній Божества.
Въ твоихъ рѣчахъ непринужденныхъ
Я слышалъ вновь—святыхъ Отцовъ,
Ересіарховъ ослѣпленныхъ
И современныхъ мудрецовъ.
Ты видиши: рѣчь моя хвалебна?

(возвышая голосъ, испытующе смотрѣть на Джакомо)

Но, знанье—Благости враждебно,
Когда нашъ горделивый умъ
Въ порывахъ беспокойныхъ думъ
Себя считаетъ всемогущимъ...
И Церковь въ рою сильна:
Права свои блудеть она...
И горе Канона не чуущимъ!

(загадочно)

Да!.. Искусь ты не проходилъ
Въ стѣнахъ Сорбонны прозорливой,
Ты къ испытанью приступилъ,
Какъ неофитъ нетерпѣливый.
Ты интересенъ мнѣ приплецъ!
Открой себя намъ безъ боязни:
Да не приемлешь непріязни
Среди незлобивыхъ сердечъ!

Джакомо.

Благословляя щедрость Неба,
Я дни влачу и сиръ и нагъ.

На ременахъ сума для хлѣба,
И посохъ стравника мой стягъ.
Для душъ мечтательныхъ и чистыхъ
Такая жизнь блаженныиѣ рай.

Моя отчизна мирный край
На южномъ склонѣ Альпъ лѣсистыхъ.
Отецъ мой былъ каменотесъ.
Ось бѣденъ былъ. Глядѣлъ угрюмо.
Я безъ призора хилый рось.
Всегда съ какои-то скрытой думой,
Съ тѣхъ поръ, какъ помню, все одинъ.
Миѳы игры дѣтства чужды были
И звуки нѣжныхъ мандолинъ
Движеній сердца не будили.

Когда смолкала роптавшій боръ
И тѣнь ползла съ окрестныхъ горъ,
И воды сонная темнѣли,—
Я слушалъ звѣздъ далекій хоръ,
Цезарь таинственной свирѣли
Мвѣ былъ роднымъ и грозъ языкъ,
И горныхъ водъ немолчный лепетъ,
И увядавшихъ листьевъ трепетъ,
И чуткихъ совъ полночный крикъ.

Какъ рано я успокоенъ!
Не зналъ въ безмолвіи вочекъ!
Какъ были тягосты сомнѣнья
Души младенческой моей!

Была мертвa Земли природа,
Какъ саркофага Красота?!

Съ лучами первого восхода
Кто жизнь вдохнулъ въ ея уста?
Кто сводъ, какъ чащу, опрокинулъ,
Ея лазоревое дно?
Кто разорвалъ и въ небо кинулъ
Одеждъ настущескую руно?
На звѣздной нивѣ серы лучистый
Какимъ Жнецомъ давно забытъ?
Коверъ долины Жловицкой
Кто ночью ткалъ, когда все спятъ?
Кто шелъ надъ жаждущею нивой

Съ грозой спѣшащей и гнѣвливой
И, усыпивъ ее въ горахъ,
Зажегъ рукой неторопливой
Лампады въ дальнихъ небесахъ?

Въ круговоротѣ быстротечномъ
Отца вселенной я пекалъ:
Источникъ жизни — и кидалъ
Пыгливый взоръ къ роднымъ и встрѣчнымъ.

· · · · ·

Въ трехъ миляхъ дряхлый патерь жилъ.
Онъ мессу съ тягостю служилъ.
Я разъ его дорогой встрѣтилъ
И о вселенной гонросилъ.
Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ.
Но, отходя, благословилъ.
Я шелъ за нимъ и со слезами
Молилъ сомнѣнья разрѣшить,
Онъ вскинулъ мутными глазами
И, гнѣвно шевеля губами,
Съ усилиемъ началъ говорить.
Вперяя взоръ стеклянный, строго
Онъ произнѣсть: «я не привыкъ
Къ рѣчамъ такимъ, хѣть прожилъ много,
Не размыслий: но вѣруй въ Бога!
Вспросы — дьявола языкъ!
Плоть изнуряй свою въ работѣ,
Страстей губительныхъ оплотъ!
Блюди посты и дважды въ годъ
Вкушай съ боязнью Вѣчной Плоти».

· · · · ·

Но вотъ забрель къ вамъ пилигримъ.
Онъ мнѣ рассказалъ про Римъ,
Какъ вѣтромъ, скучный сонъ развѣялъ.
И замыслъ дерзкій я взлелѣялъ.
Покинулъ я очагъ родній.
Передъ разсвѣтомъ, изголовью
Отца отдавъ поклонъ съ любовью,
Ушелъ полуденной тропой;
Плуталъ горами и лѣсами,
Переплывалъ стремнины водъ,

Ночь проводилъ подъ небесами:
Но вотъ—послѣдній нереходъ
И —Римъ открылся предъ очами.
Руины храмовъ и аркадъ,
Плющемъ повитыхъ колоннадъ,
И Тибръ, и все—въ сиянья солнца
Встрѣчали восхищенный взглядъ
И робость тайную веронца.

Въ тѣ дни Италия жила
Тревожной жизнью смутъ народныхъ.
Въ междоусобицахъ бесплодныхъ
Рѣкой широкой кровь текла.
И вспалеными очами,
Склоняясь предъ черною Судьбою,
Страна взирала: на разбой,
На судъ творимый палачами,
И фискъ, похожій на суму,
На завезенную купцами
Неумолимую чуму.

У государей малодушныхъ,
Слѣпцовъ, поводырямъ послушныхъ,
У отживающихъ принцессъ,
Святопль и хитрыхъ интриганокъ,
У властно правящихъ метрессъ—
Плясуній, алчныхъ куртизанокъ,
Въ дни лести, лжи, дворцовыхъ смутъ,
И хищныхъ войнъ, и конкордатовъ
Постыдныхъ (стоящихъ захватовъ!)—
Наукѣ-ль мирной быль приютъ?
Я жаждаль въ думахъ затаенныхъ
Неисчерпаемыхъ богатствъ—
Востока свитковъ запыленныхъ—
Подъ сѣнью сумрачныхъ аббатствъ,
Огъ шума жизни удаленныхъ.
Науки признанныхъ жрецовъ,
Я въ кельяхъ навѣшаль отцовъ,
Усердно слушаль поученья
И повѣрялъ свои сомнѣвья.
Одинъ сердечно рассказалъ,
Что тщетно истину искалъ

И оть работы докучныхъ клирскихъ
Минутъ забвеніа и сна
Въ подвалахъ ищетъ монастырскихъ
За бочкой старого вина.

Междѣ присутствующими легкое движение.

Тонкій аббатъ (толстому, вставая передъ нимъ).

Отецъ Франциско! заслонитесь:
На вѣсъ овъ бросилъ бѣглый взглядъ.

Толстый аббатъ.

Благодарю Не торопитесь
Мѣнять чистилище на адъ!

Джакомо.

Но герменефть—старикъ лукавый—
На мой почтительный вопросъ
О гвѣтъ пространный и кудрявый
Неторопливо произнесъ.
Уста наставника забыли
Фонта зомъ избранныхъ цитать.
Передъ мной заговорили
Ача сагоръ, Платонъ, Вергилий,
Проклъ, Оригенъ и Аквина.
Но мысли трепетной оилота
Не въ постиженыи вѣчныхъ силъ,
А въ измышленьяхъ Дуна Скотта
Искать философъ мой любилъ.
И, самъ запутавъ нить доктрины,
Онъ наконецъ, какъ Раймундъ Лулль,
Въ промояхъ школьной дисциплины,
Хрипя и корчясь, потонулъ.

(задумчиво)

А мысль, что Вѣчный Миръ божественъ,
Что скрыть въ Природѣ Савооеъ,
Онъ—негодующій, торжественъ—
Озвѣргъ, проеклявъ еретиковъ.

Ключарь, наклоняясь къ Епископу, щечетъ ему на ухо. Лицо Епископа мрачно.

Увы! напрасно духъ пытливый
Здѣсь жаждалъ приставъ обрѣсти,
И—дивнымъ прошлымъ горделивый,
Теперь безславно суетливый,
Услышалъ Римъ мое: прости!
И не будили вновь мечтавій
Ни роскошь мраморныхъ палатъ,
Ни клики буйственныхъ собравій,
На блескъ насыщенныхъ солдатъ,
Ни женщинъ суетныя ткани,
Ни дальнихъ улицъ нищета,
Невзгодъ теребѣвшіа удары,
Ни слугъ смиреннаго Христа
Раззолоченые тіары.
Когда умолкъ за мною гуль,
Я съ ближнихъ горъ на Римъ взглянулъ.
Онъ въ темной зелени тонулъ.
На беспокойномъ Тибра лѣнѣ
Червѣли лодки и суда
И купольѣвѣчнаго Петра
Царилъ на синемъ вебескомъ.

.

Скитаясь десять долгихъ лѣтъ,
Какъ пнокъ — я хранилъ обѣтъ
Страстей минутныхъ воздержанья.
Пришелъ въ Германію пѣшикомъ,
Гдѣ вокругъ развалины преданья
Чуть заселѣли всходы знанья,
И бѣднымъ жиль ученикомъ.

Тамъ велерѣчіе каѳедръ
Гремѣло изъ стозвучныхъ нѣдръ
Вѣками созданныхъ соборовъ
(Для прославленій— не для споровъ,
И ухищреній злой борѣбы,
И безпошаднаго проکлятъя.—
О нѣтъ для шепота мольбы
Поодаль скорбнаго Распятъ!).
Не въ схолахъ, затмѣвавшихъ Римъ,
Наставники мудре змѣя.—
Но непонятные другимъ!—
Такли искру Прометея.

Но дивный случай наконецъ
Вознаградилъ блужданій годы:
Гонимый каѳедрой мудрецъ
Завѣсу поднялъ съ тайнъ Природы!
(общее движение)

Въ голландскій скромный городокъ
На берегъ низменный Ваала
Меня приводить тайный рокъ.

Въ странѣ межъ двухъ племенъ лежала
Неизгладимая черта.
Враждой преступной плащенія,
Христіанінъ тѣснилъ еврея:
Какъ-бы въ отмщенье за Христа!
И на окраинѣ презрѣвной
Съ мечтою брачно—вожделѣнной,
Въ объятьяхъ черствыхъ ищеты,
Еврей—слѣпецъ, ютился ты!
Забывъ Египетъ, Аравію.
Сіонъ, гроба царей, витій.
Въ слезахъ ты ждешь еще Мессію,
Ты, избивающей мессій!

Разъ утромъ переулкомъ темнымъ
Шелъ, опустивъ рѣсицы вѣкъ,
И весь плащемъ закутанъ скромнымъ,
Какой-то странный человѣкъ.
О немъ евреевъ на площадкѣ
Спросилъ я, шумный торгъ прервавъ,
Но тѣ улыбкою загадки
Менѣ отвѣчали, промолчавъ.
Покорный властному влечению,
Признавъ предчувствій произволъ,
За памъ назойливою тѣнью
Я до предметія дошелъ.
Здѣсь на послѣднемъ перекресткѣ
Онъ обернулся вдругъ назадъ,
И нестерпимы были блески
Его очей, метавшихъ взглядъ.
Пройдя ворота, шагъ усталый
Онъ временами прерывалъ
И воздухъ моря грудью впалой
Съ отрадой жадвою вдыхалъ.

Душа покоемъ умилилась.
Картина мирная трудогѣ
И нѣги отдыха открылась.
Стѣна въ илащѣ курчавыхъ мховъ
Подъ вошѣй Времени склонилась.
Къ ней кучка хижинъ прилѣпилась,
Бѣлѣя въ зеленіи садовъ.
На влажномъ польдерѣ лежали
Коровы лѣнивыя стада
И дюны—тучныхъ нивъ бѣда,—
Какъ мутножелтыхъ волнъ гряда,
Край пебосклона окаймляли.

Къ лачужкѣ бѣдной, почернѣлой
Въ сырыхъ туманахъ, подойдя,
Остановился онъ, и я
Прерваль мгновенно шагъ несмѣлый.
Тогда онъ голосомъ глухимъ
Спросилъ, вонзая въ рѣтушиловый:
Зачѣмъ я слѣдуя за нимъ,
Какъ левъ за серною пугливой?
Дрожа,—застигнутый врасплохъ,—
Ему вскричалъ я: «видитъ Богъ,
Мнѣ ничего отъ Васъ не надо!
Теѣ заснуть торжища мой слухъ,
Людей бѣжитъ усталый духъ,
И даль луговъ—моя отрада...»
И самъ, какъ пристыженный лжецъ,
Во всемъ сознался. «Я—бѣглецъ...
Осьмять жалкими умами...
Вашъ необычный, новый видъ
Душѣ невнятно говоритъ..
Я долженъ быть птицѣ за Вами...
Полдня ствѣсные лучи
Въ каменоломняхъ близъ Каррары
Жгутъ, какъ надсмотрщиковъ бичи.
Но рабъ забылъ невзгоды удары,
Предавшись отдыху въ ночи.
А мысли—мыши неотвязно,
Брыкаясь съ наглостью въ пріютъ
Счастливыхъ грезъ и нѣги праздной,
И днемъ и ночью мозгъ грызутъ...»

Улыбка бога озарила
Его поблеклыи уста
И скрылась — вдругъ, какъ лучъ Свѣтила,—
Какъ обманувшая мечта
Но онъ кинулъ мнѣ головою,
И я свинцовою стопою
Неповинующихся и гъ
Съ трудомъ переступилъ порогъ.

Костлявый и землисто-блѣдный
Жилъ въ одиночествѣ аскетъ.
Кунцамъ шлифуя стекла, въ бѣдной
Харчевнѣ спискивали обѣдъ.
Евреи — фанатикамъ Талмуда
Простили рубцы книжальныхъ ранъ.
Любиль Христа, не вѣря въ чудо,—
И былъ врагомъ для христіанъ.
Но горечь дикихъ оскорблений,
Какъ легкій сонъ, онъ забывалъ.
Его гранитныхъ убѣждений
Еще никто не колебалъ.
Предъ нимъ посолъ Пфальцграфа гордый,
Услышавъ непреклонно твердый
И кроткій, какъ всегда, отвѣтъ,
Снялъ съ удивленiemъ бретъ.
Болѣль онъ скорбю душевной
О настѣвѣ избранной Христа
Но яда злобы, рѣчи гнѣвной
Не знали мудрыя уста.
Во взглядѣ глазъ его прекрасныхъ,
Спокойныхъ, отрочески ясныхъ
Свѣтились, проницая даль,
Благоволеніе и печаль.
Едва лишь очи я закрою,
Передо мной онъ здѣсь стоитъ.
Какъ воскъ лицо... и не тоскою
Полво, но тайной неземною...
И рѣчь прерывисто звучить.

—
«Неудержимое стремленіе
Дѣтей юдоли къ небесамъ
И къ тайнѣ Мира пріобщенье—
Для душъ коварныхъ: преступленіе,

Мысль—ненавистная богамъ!
Но живь въ потомствѣ восхищенномъ.
Титанъ съ пылающимъ трутомъ.
Отъ кремневой искры зажженны мъ,
И жалокъ вымыселъ о неи—
О полубогъ пригвожденномъ—
Жрецовъ, торгующихъ огнемъ!

Влекутъ вниманье взоровъ жадныхъ
Кометъ таинственній полетъ
Въ пустыняхъ неба неоглядныхъ
И зорь пророческій заходъ,
Волны прибой—слѣпой и рѣвный,
(Свирѣпый ревъ осеннихъ бурь,
Покровъ полночи звѣздотканый,
И днія бездонная лазурь.

Какъ отблескъ думы мимолетной
Иль тайну грусти безотчетной,
Тревожно обнимая мать,
Дитя спѣшитъ въ очахъ читать,
Такъ озабоченно пытливо
Въ лицо природы я глядѣлъ:
Я мнилъ въ разгадкѣ терпѣливой
Дней отдаленѣйшигъ удѣль.
Но развѣ мать дитя проклянетъ,
Когда оно къ ней руки тянетъ,
Кольцомъ ей шею обовьетъ,
Уста къ ланитамъ ей прижметъ?
За что же былъ Немвродъ отринутъ?
За что разгнѣвавной Рукой
Расшатаеъ стопъ и опрокинуть
На беззащитный родъ людской?

И жутокъ сталъ просторъ для крылъ
Воспоминанья, встреченушихъ
Въ неясныхъ снахъ иѣковъ минувшихъ,
Когда мы разумъ озарилъ
Листы угрюмые Предавья.....»
Онъ весь согнулся и умолкъ.
Волной застигнути созерцаѧ.

И понялъ я, что былъ мой долгъ
Не прерывать его молчанья.

Заря погасла. Вечерѣло.
Холодный вѣтеръ съ моря дулъ
Сквозь щели рамы отсырѣлой.
Онъ, вздрогнувъ, на меня взглянулъ.
«Пусть крѣпнетъ мысль въ душѣ твоей,—
И станетъ путь сужденій ясенъ,—
Что тамъ, гдѣ нѣть людскихъ очей,
Миръ также грозенъ и прекрасенъ!
Святыней дѣда и отца
(И я былъ ею очарованъ!)
Лишь къ бѣдамъ смертнаго, слѣдица,
И къ радостямъ его прикованъ
Взглядъ проницающій Творца!

.

Проникнуть я могучей мыслью,
Что Безпрелѣльность естества
Съ земной юдолью, съ горней высью —
Жѣвая Риза Божества,
Предвѣчный Саккосъ. Везъ наитій
Душъ вдохновеныхъ острый взоръ
Распустить ливной Ткани вити,
Нойметь божественный узоръ!
И грани нѣть дія познаванья,
Нѣть мѣры смертныхъ торжеству
Въ глухомъ предчувствіи сознанья:
Мы сочата ты Божеству!»

.

Онъ кончилъ. Силой вдохновеній
Дышала рѣчь. Душой смятеної.
Съ тѣхъ поръ взлѣтѣть мысль одна,
Что въ тѣсныхъ формахъ жизни тлѣвной
Часть Божества заключена.

(простирая впередъ руку)

Морщины — вижу. Роцотъ — слышу.
Сократъ преступнѣе обманъ!
Смиренья ложью не упишу
Души правдивѣй ураганъ.

.

Пустыня. Ночь. Я одиноко
Шагаю. Спутники мои
Давно упали. Недалеко
Шакалы воюгъ. Но, гори,
Гори надеждой бодрой око!
Онъ брежжитъ, брежжитъ свѣтъ зари!
Бессильны трепетыя пени,
И пятятся къ подошвамъ горъ,
Цѣпляясь жадно за ступени,
Лоскутыя черной Ночи— тѣви,
Но ихъ откроетъ Солнца взоръ!

Во время послѣдней тирады Епископъ хочетъ встать; однако удержанній отцомъ Бернардомъ, опускается снова въ кресла. Джакомо не замѣчаетъ этого; но вдохновенное лицо его дѣлается грустнымъ.

Но, человѣчество такъ сиро
Въ пути таинственномъ своемъ,
Мы такъ томимся тайной міра!
И что-же вижу я? Во всемъ
Отцовъ подобна и поколѣньямъ,
Толпа, послушная жрецамъ,
Ужъ нагибается къ каменьямъ
Всльдъ проходящимъ мудрецамъ!

Епископъ

(выпрямившись и откинувъ въ сторону руку съ посохомъ)

Когда бъ не вѣрилъ съ умилѣньюмъ
Я въ стадо кроткое Христа,
Давно-бы властнымъ повелѣвъ
Закрылъ коварныя уста.
Не торжествуй, въ слѣпомъ весельи
Завѣты Церкви осудивъ:
Умреть, какъ эхо въ подземельи,
Твой святотатственныи призывъ!

Въ порывѣ Ѣдкихъ осужденій,
Принецецъ, ошибся горько ты,
И пышность нашихъ облаченій
Не скроетъ сердца чистоты.
Вкусивъ божественное Брашно,
Съ глухой молитвой на устахъ
Мы на арену шли безстрашно
И задыхались на кострахъ.

Мы обрѣли въ мучеъяхъ право:
Власть разрѣшать и власть вязать.
И горе намъ, какъ рабъ лукавый,
Отвѣтъ Послачшему насть дать!
(гнѣво)

Съ безумствомъ помыслозъ надменныхъ
Свѣтъ Огкровеня примирить?!
Въ обигель книжниковъ смиреныхъ
Блудницу духа поселить?!
Чадъ упованія отрицуть
Чтоѣ ты ихъ въ бездну могъ увлечь?
Какъ пиву сортную покинуть,
На запустѣніе обречь?

Длительная пауза. Въ залѣ глубокое молчаніе. Епископъ пристально глядитъ на Джакомо; потомъ - въ сторону, громко.

Бестыдный взоръ недоумѣнья!
Но, озираться и молчать —
Не начь! Умъ — слабъ. Согласовать,
Вниманіе вѣры поношенья,
Сурзыхъ каноновъ велѣнья
И всепронесяя благодать
Не въ силахъ онъ...
(негодующе обращаясь въ пространство)

О, лицемѣры!
Вамъ не понятны чувства вѣры!
Но Авраамъ не пролилъ слезъ,
Убитый Тайной Воли значомъ:
Онъ надъ невиннымъ Исаакомъ
Свой ножъ безгрешно занесъ.
(къ Джакомо)

Зачѣмъ ты дерзостно сорвалъ
Пюдь заиращенный всепознанья
И пазцырь богоотрицаанья
Сутаной вѣръ я прикрывалъ?
Ты мудръ? У насъ свои кумиры.
Твоихъ не надо намъ дровъ!
(загадочн.)

Иди. Подарки Деявиры
Цредвѣстье зарева костровъ!

Когда о Богъ—Страстотерпѣ
Мы вспомнимъ въ ужасѣ святомъ,
То безучастно ваше сердце
Къ порабощенному грѣхомъ!

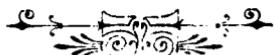
(насмѣшиво)

И вѣчны логики законы,
Искатель правды молодой:
Переступивъ порогъ Сорбонны,
Ты насмѣялся надъ собой!
Иди. Да будетъ миръ съ тобою!
Любви закона не нарушу.

(воздымая руки къ небу)

А Ты, о Боже, устрокой
Его мятущуюся душу!

Уходитъ, благословляя Джакомо и учениковъ. Слышенъ отдаленный благовѣсть.
Джакомо стоять, закрывъ лицо руками. Зановѣсь медленно опускается.

НА СМЕРТЬ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Прекрасна и ярка была твоя з а р я:
Восторгомъ общимъ пылъ воинскій встрѣ-
ченъ;
Но, расцвѣтавшій геній твоїй любовно
былъ отмѣчевъ:
Изъ дыма и огня ты волей взять Царя.
* *

И самъ герой тогда жъ ты осудилъ
Войны кровавое служеніе отчизнѣ.
Ты отдался заботамъ сельской жизни
И сердце радостью семи заворожилъ.

* *
Но, вспомнаньемъ бурнымъ далъ сво-
боду ты
И, какъ вчерашній день, фантазіей своею
Запечатлѣлъ— родни я, милыя черты
И грознаго похода эпопею.

* *
Твой духъ мужалъ: его ты понялъ
ропотъ—
И свѣтской мишуры тебѣ смѣшонъ сталъ
блескъ,
Парадовъ музыка, коней размѣрный
топотъ...
Ты полюбилъ—и лѣса важный шопотъ
И волнъ рѣчныхъ предъ бурей мелкій
всплескъ.

* *
Не столько въ свиткахъ избранныхъ
творцовъ,
Какъ сердцемъ, ты постигнулъ
правду Божью,
Отвергъ рожденное невѣжествомъ и
ложью
И участь раздѣлилъ безстрашныхъ муд-
рецовъ!

* *

Суровый врагъ церковныхъ монотолій
И средостѣнія межъ Богомъ и людьми,
Ты съ напряженіемъ внушетной свыше
воли

Исповѣдалъ ученія свои.

* *

«Не дымъ кадиль дверь Неба открывается,
Не жреческихъ одеждъ виссонъ и серебро,
Нѣтъ, нѣтъ, одна любовь, безвѣтное
добро»!..
И міръ растерянный въ слезахъ тебѣ
внимастъ...

* *

И.. ты не мог молчать!

* * *

Нашъ Царь со скорбью вѣсть о смерти
встрѣтилъ,
Въ словахъ прекрасныхъ искрено от-
мѣтилъ
Онь—сердца русскаго утрату и иечаль...
Съ волненiemъ мы почли бѣзсмертную
скрижалъ.

* * *

Но, не скорби, ноэть! совсѣмъ онъ не
исчезъ:
Безсмертенъ онъ, въ созданіяхъ своихъ
животворящихъ.
Видѣнія-жъ очей - глубоко спящихъ,
Прекрасны—средь дубовъ таинственно
шумящихъ
Подъ звѣзднымъ пологомъ тержествен-
ныхъ и бесъ.

У Н Ы Н И Е.

(ВЕЛИКОПОСТНАЯ ЭЛЕГИЯ).

Въ уныніи влачу поста⁽¹⁾ святые дни.
Лукавый рабъ, дары растратившій свои,
Измученъ праздностью пороками при-
крытої,
Отвергнутой любовію разбитый,
Но жаждущій какъ иноша любви!

И вотъ въ ночи тревожной и печальной,
Когда я предаюсь несбыточнымъ меч-
тамъ,
Вдругъ звонъ мнѣ слышится такъ ясно
погребальный
И грезится кадильница єлиміамъ.

И ночь безсонная тогда нарочно ллится!
И хочется въ тотъ самый часъ ночной
Рыдать безумно, пламенно молиться,
И ризы разодрать, и о ступени храма
биться
Безъ времени съдою гелевої!

СОЖАЛЕНІЕ.

О юности друзъя! Цѣню я дружбу вашу
И вамъ дарю всю сладость... горькихъ
слезъ!
Будь проклять день, когда отравленную
чашу
Впервые я къ устамъ дѣвѣрчино под-
несъ!

* *

Безумецъ! быть любимъ, но радости
свидавай
Ты на угаръ презрѣнныи обмѣнилъ!
Еще исполненный счастливыхъ упова-
вій
Ты въ оргіяхъ свой даръ таинственный
гасиль!

* *

И что-жъ? былою дружбою отринутъ,
Покинулъ свой рѣзецъ, забылъ свою
скрижалъ...
И, какъ фіаль, когорый опрокинутъ,
Ты будешь лишь одчу досаду и печаль..

ВОСПОМИНАНИЯ.

Прешли года. И мнѣ еe не жаль.
Ни ревность бурная, ни тихая печаль
Отнынѣ сердца не встремъ жить
И запоздалый зевт¹-души не расположить
Такъ мыслилъ я, взирая бѣдою въ даль.

Но мы въ себѣ былого носимъ ядъ.
Довѣрчивыи мой слухъ склонился къ
вѣсти праздной,
И озабоченый, давно усталый взглядъ
Уже зоветъ докучливо назадъ—
Забытый сонъ, какъ нищій неотъемный.

Шуть наша жизнь тревогами полна,
Воспоминаньями зачѣмъ—увы—богата?
Вотъ свѣтлой юности пахучая весна.
Прогулка долгая. Аллея сномъ объята.
Здѣсь между линъ скользящая луна,
Тамъ надъ прудомъ паровъ стелющаяся
бата.

Ничтожной встрѣчѣ радъ я въ этотъ
часъ.
Улыбкю черты раздумья измѣняю,
Но безъ вниманья чуждый слушаю
разсказъ.
Потомъ вдокну еще въ послѣдний разъ.
И путь замедленный уныло продолжаю.

НЕЗАБУДКА.

(ВЕСЕННИЕ СТАНЫ).

Вверху надъ комнатой постылою моей
Живеть небесное, вевииное созданье —
Прелестное, какъ свѣжій цвѣтъ полей —
И будить горькое душнъ воспоминанье
Невозвратимыхъ прежнихъ дней.

* *

Я изъ сказа гляжу, какъ ты въ серсе
играешь.
Когда приходятъ лѣта радостные дни.
Шалунья рѣзвая, вѣдь ты сама не
знаешь,
Какъ ты мила, какъ ты насть всѣхъ
плѣняешь,
Какъ полны граціи движенія твои.

* *

Надеждой сладостной мнѣ поздно оболь-
щаться,
Отвѣта радостнаго странно сердцу ждать,
И встрѣчъ условленныхъ прилежно до-
могаться,
И стансы нѣжные, мечтательно слагать.

* *

Нѣть, я хочу, чтобы избранникъ былъ
твой,
Какъ ты прекрасенъ, юнь и непороченъ.
Чтобъ сладостный сокъ навѣки былъ
бы проченъ,
Чтобъ полюбила ты всей женскою до-
вѣрчивой душой.

О Ч И...

Не говори! есть цветъ очей
Одинъ—сердцамъ людскимъ опаснѣй!
Прекрасны: гордый мракъ ночей,
Лазурь колеблющій ручей,
Но, синева небесъ прекраснѣй!

* *

Я помню въ снахъ минувшихъ лѣтъ
Сбиралъ сафир овѣ кроткии груды,
И вотъ задумчивый поэтъ,
Забылъ сафира цветъ:
Влюбленъ безумецъ въ изумруды.

СОНЕТЬ.

Какъ это тягостно молчанье,
Какъ жду я прежнихъ милыхъ строкъ!
Сильней чѣмъ гнѣвъ, чѣмъ порицанье
Застывшій на устахъ упрекъ.

Но не въ моей тоскѣ участье
Не огорченія слеза —
Свое исытанное счастье
Тебѣ тумавило глаза!

И мнѣ не чувство состраданья;
Смущеніе счастья, оправданье
Шептало сердцу моему,

Когда я къ радостямъ свиданья
Спѣшилъ и лепту подаянья
Кидалъ убогому въ суму.

СОНЕТЬ.

Вчера дрожащихъ хрупкихъ рукъ
Впервые тихо я коснулся
И бѣднымъ сердцемъ встрепенулся.
Забывшимъ горечь прежнихъ мукъ!

Былъ мигъ: жеманною мимозой
И горделивой бѣлой розой,
И оскорбляясь и любя...
Я называлъ уже тебя,

Но опустилися рѣсницы,
И скрылись дивныя зарницы
Твоихъ признательныхъ очей...

И ты склонилась, и зардѣлась,
И вновь гадѣща загорѣлась
Въ душѣ довѣрчивой моей.

КРАСАВИЦЪ.

Праведный Боже, немного порою намъ
надо,
Чтобы, ручьями какъ въ сказкѣ паревнѣ.
залить наши глазки!
Дервость бросаетъ мальчишка и ихъ
смрачасть досада—
Чистые глазки, что созданы только для
счастья и ласки!

Это—вчера.. а сегодня какой намъ
поэтъ перескажетъ,
Давши свободу разумѣрннымъ льющимъ-
ся строчкамъ
Счастливы: новенкѣй плюшъ пашу дѣ-
вичью талю обляжетъ!
Въ зеркало сами провѣримъ: идетъ-ли
онъ къ рдѣющимъ щечкамъ.

Бѣдный! давно-ли я думалъ, что всѣмъ
одѣленъ и доволенъ?
Нынѣ я завистью скрытою, ревностью
черною боленъ:
Счастливъ платокъ, осущаюшій очи кап-
ризной моей одынистки;
Я ужъ молчу про корсажъ: ему тайны
грудныхъ и югъ груди такъ близки!

(Изъ А. Шене *).

I.

Покинувъ берега страны моей прекрасной,
Забытый дружбою, не видя лицъ родныхъ,
Судьбою брошенъ и на островъ безу-
частный...
Но имя Франціи не сходитъ съ устъ
моихъ!
Сейчасъ у чернаго потухшаго камича,
Склонившись, смерть зову - свой сладостный улѣлъ...
Мнѣ друга не пошлетъ холодная судь-
бина
Который бы ко мнѣ неслышно рядохъ
сѣгъ,
Упавшаго на грудь лица увидѣль муку,
Сказалъбы: что съ тобой? и сжалъ мчѣ
крайнико руку.

*) А. Шене еще менѣе посчастливилось въ русскихъ переводахъ, чѣмъ его современнику Борису, величайшему английскому лирику XVIII вѣка, несколько стихотвореній котораго превосходно переведены М. Михайловымъ. Кромѣ трехъ общизвестныхъ переводовъ изъ Шене Пушкина есть достаточно слабые переводы «Послѣдней пѣсни» (Ковалевскаго, въ «Современникѣ» 1862 г.) и «Слѣднаго» А. Павловой въ въ «Отеч. Запискахъ» 1855 г. Одно или два стихотворенія недавно переведены А. М. Федоровымъ. Предлагаемая элегія написана въ годы пребыванія Шене въ Англіи.

II.

Уединеніе и полки свитковъ пыльныхъ,
Красавицы, для душъ настойчивыхъ и
сильныхъ—

Таланты вамъ прелестные даны.
Часы безсонные для граціи вредны.
Что ей законы сферъ и ритмы исчисле-
ній—

Докучной алгебры туманныя ступени?*)
Устамъ запекшимся отъ диспутовъ су-
хихъ

Такъ трудны вѣжности къ признаніяхъ
ночныхъ!

Имъ вздохи: о душа! о сердце!—незна-
комы,
Стыдливость нолусловъ и сладостной
истомы!...

*) Въ подлиннике: «или туманныя ступени отъ (а в.)».

Изъ старой тетради

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

...И Н о в ы й Г о дъ уже грядеть.
Недолгій гость въ вѣкахъ текущихъ
Дары счастливые-ль несетъ?
Онъ для скорбящихъ, неимущихъ?
Или, какъ прежде, человѣкъ
Любви закона не одѣнить:
Слѣпой для нищихъ и калѣкъ —
Онъ наслажденьямъ не измѣнить.

Или, какъ прежде, будемъ мы
Готовить лучшимъ изъ собратій
Печать безплодную тюрьмы.
Копиары каменныхъ обятій.
Но Годъ бевмолвевъ молодой,
Въ пирахъ подлунная обитель ..
И мнится мнѣ, что Искупитель
(о звѣздѣ на землю въ чась ночной
Глядитъ съ бевмолвною тоскою).

АКРОСТИХИ ЮНОСТИ.

I.

Довольно! болѣе ни слова
О ней не вымолвлю я вновь.
Развѣялъ я печаль бытого:
Мнѣ не нужна ея любовь!
И если бъ кто-нибудь пытается
Души моей смутить покой,
Обидной рѣчью отозвался бѣ
На этотъ голосъ гнѣвный мой...
Такъ я сказалъ. И въ тожъ мгновеніе
О милой самъ я вспомнилъ вновь!
Волнуюсь... стихло раздраженье,
А дальше слезы и любовь!

II.

Давно миновали тяжелые дни;
Обиды затихли, какъ раны;
Развѣялись ревности черные сны;
Мечтанья, какъ утро румяны.
И если бъ какъ прежде молиться умѣлъ
Довѣрчивой чистой душою:
О ней несаглядной молиться бѣ хотѣлъ.
На образъ взирая съ мольбою.
Теперь я утратилъ ту вѣру! Лечу,
О дѣтство, къ тебѣ я съ мечтою:
Вернись! я молитъся и плакать хочу,
А счастье... останься со мною!

С Н Ы,

Я мечталъ... Я съ мечтою послушной моей
Пробирался цвѣтущею нивой;
Слушалъ ропотъ волны беспокойныхъ
морей,
Видѣя чайки полетъ торопливый;

* *

Я по знойной пустынѣ съ верблюдомъ
шагалъ,
Караваны купцовъ прогожая;
Лунной ночью въ Египтѣ у сфинксовъ
стоялъ,
У причудливыхъ пагодъ Китая;

* *

И на сѣверѣ мертвемъ, гдѣ въ тундрахъ
нагихъ
Солнца лучъ такъ уныло сіяеть;
Гдѣ въ разсѣлникахъ скалъ, на уступахъ
крутыхъ
Тоцій ягель и мохъ растаетъ,

* *

И на югѣ, гдѣ синее небо всегда
Отражается быстрой рѣкою.
На альпийскихъ горахъ, гдѣ пасутся
стада,
Съ прихестливой иссился мечтою.

* *

Но, когда вонзилъ въ звучный стихъ
свои сны,
Чтобы милой съ зарею приснились,
Не узналъ я видѣній: скучны и блѣдны,—
Словно сѣрымъ туманомъ покрылись...

* *

Пусть суровъ, но онъ правъ— приговоръ
мудреца...
И созданія вѣнчаннаго лавромъ пѣвца
Кружевнѣе сѣтей паутины
Были кованы молотомъ въ потѣ лица
И омыты слезами кручины.

ПОЭЗИЯ.

Не только въ сияніи лунныхъ лучей,
Облившихъ кромистыя горы,—
Поэзія есть и во мракѣ почей,
Пугающемъ робкіе взоры.
Какъ въ тихихъ озерахъ, въ иволѣ-
ныхъ лугахъ
И въ синихъ волнистыхъ сугробахъ,
Такъ шумныхъ и шопныхъ тревогъ го-
редахъ.
И въ шахтахъ,—удушливыхъ гробахъ,—
На фабрикахъ чесныхъ, где стукъ колеса
Смѣняется рѣзко свистками,
Поэзія той-же я встрѣтилъ глаза,
Но только глаза со слезами.